

ПУТЬ
СОЛДАТОВА

Война Солдатова Книга 5

Alexander Grigoryev

18+

Путь Солдато́ва

Александр Григорьев

Война Солдато́ва. Книга 5

«Автор»

2026

Григорьев А. С.

Война Солдатова. Книга 5 / А. С. Григорьев — «Автор»,
2026 — (Путь Солдатова)

Дмитрий, младший царевич, плетёт разведсеть в прифронтовом треугольнике Смоленск–Витебск–Могилёв. Через постель и защиту он завоёвывает местных женщин, но Мыши, Болотные и Западный Рейх готовят ловушку. Брат погибает, столица пала. Дмитрий в плену, но его женщины уже идут за ним.

© Григорьев А. С., 2026

© Автор, 2026

Содержание

ПРОЛОГ: Три тени в золоте	5
ЧАСТЬ I. ПЛЕТЕНИЕ ПАУТИНЫ	7
Конец ознакомительного фрагмента.	23

Александр Григорьев

Война Солдатова. Книга 5

ПРОЛОГ: Три тени в золоте

Март 7094 года. Царьград, покои митрополита

За дверьми, обтянутыми алым бархатом, осталась суета Крестовоздвиженского переулка – крики разносчиков, скрип саней по насту, дальний благовест с колокольни Ивана Великого. Здесь же, в глубине митрополичьих палат, царила иная тишина. Гулкая, древняя, пропитанная ладаном и ещё чем-то – сладковатым, тошнотворным, от чего у неподготовленного человека могла закружиться голова.

В покоях горели свечи. Много свечей. Их золотистый свет стекал по окладам икон, по тяжёлой парче облачений, по ликам святых, глядевших с дощатых досок тёмными, немигающими глазами. В углу, у изразцовой печи, жался молодой служка – белый как мел, с лихорадочно блестящими глазами. Он не смотрел на стол, где сидели гости. Он смотрел в пол и беззвучно шевелил губами – молился, крестился украдкой, и пальцы его дрожали так, что с них едва не сыпалась намоленная крупка.

За столом, покрытым зелёным сукном, сидели трое.

Место во главе, под тяжёлым киотом с древней иконой, занимал митрополит. Лицо его казалось благодным, старческим, даже добрым – седая борода, тонкие губы, прикрытые веки. Но когда он поднимал глаза, в глубине зрачков, под седыми бровями, мелькало нечто такое, от чего служка каждый раз вжимал голову в плечи. Отблеск. Золотистый, холодный, голодный. Тварь, сидевшая под личиной святого старца, была сегодня в хорошем расположении духа.

Напротив митрополита, развалиясь на стуле с высокой резной спинкой, сидел эмиссар Мышиной станы. Худой, с длинными бледными пальцами, униженными тяжёлыми перстнями, в чёрном кунтуше, перехваченном серебряным поясом. Он говорил мало, больше слушал, цепко оглядывая комнату, и лишь изредка поправлял на колене идеально отутюженную штанину. От него пахло дорогими заморскими духами и – чуть заметно – железом и кровью. Привычка людей, чьи руки по локоть в чужих судьбах.

Третий, человек Шуйского, сидел с краю, ближе к дверям. Средних лет, с лицом, тронутым оспой, и бегающими глазками. Он потел, хотя в покоях было не жарко, то и дело промокал лоб платком и оглядывался на служку, на иконы, на тёмный угол у печи, где клубилась тьма гуще, чем положено.

Митрополит заговорил первым. Голос его звучал глухо, с хрипотцой, но каждое слово ложилось в тишине как тяжёлый камень.

– Мальчишка Соколов видел мою истинную суть. Он смотрел на меня в соборе, и я чувствовал это. Он знает.

Мышиный эмиссар чуть приподнял бровь:

– Тот самый, младший? Которого произвели в царевичи через молочное братство?

– Он самый, – кивнул митрополит. – Дмитрий. У него дар, которого быть не должно. Он чует нас. Он убивал моих слуг. Он должен умереть.

– И его брат? – уточнил эмиссар.

– И его брат, – подтвердил митрополит. – Иван – сердце этой войны. Пока он жив, Соколовы будут собирать земли предков. А этого нельзя допустить. Ни нам, ни вам.

Мышиный эмиссар усмехнулся тонкими губами:

– Наш король не желает усиления Посконии. Западный Рейх тоже. Если Соколовы объединят северные и восточные земли, мы окажемся в кольце. Мы дадим золото, людей и... наших «особых» помощников. Тех, кого вы, святейший, одобрите.

Митрополит чуть наклонил голову, принимая.

– Болотные магнаты? – спросил он.

– Уже готовы, – кивнул эmissар. – Золото делает своё дело. Когда армия Соколовых увязнет под Витебском, они перекроют переправы. Армия окажется в ловушке.

– А Иван? – подал голос человек Шуйского, нервно облизывая губы. – Царевич Иван? Кто его...

– Его возьмут на себя ваши люди, – перебил митрополит, и взгляд его остановился на перепуганном лице. – В суматохе, в бою, когда царевич останется без охраны. Или мы подожжём кого-то из своих. Не важно. Главное – он должен умереть. А Дмитрия...

Митрополит помолчал, и в тишине вдруг явственно послышалось, как скребётся мышь где-то за стеной.

– Дмитрия нужно взять живым. Его проклятие, что он носит во мне, должно вернуться ко мне. Он станет моим трофеем.

Человек Шуйского сглотнул:

– А... а как же наш князь? Шуйский? Он ждёт знака.

Митрополит перевёл взгляд на него, и тот вжался в стул.

– Когда Иван и Дмитрий будут мертвы или в плену, Шуйский поднимает мятеж в столице. Мои люди помогут ему войти в Кремль. Царь... – он сделал паузу, – с царём мы разберёмся отдельно. Царица и царский гарем перейдут под руку вашего князя. Это станет знаком: новая власть, новая династия.

– А церковь? – тихо спросил мышинный эmissар.

Митрополит улыбнулся. Улыбка эта не тронула его глаз, лишь чуть раздвинула губы, обнажив ровные, неестественно белые зубы.

– Церковь благословит нового царя. Я благословлю. И тогда, – он поднял руку, и золотой перстень на его пальце вспыхнул в свете свечей, – мы наведём порядок. И в Посконии, и за её пределами.

В углу служка заскулил, не в силах больше сдерживать страх. Человек Шуйского дёрнулся, но митрополит лишь повёл рукой – и тьма в углу качнулась, поглотив звук.

Мышинный эmissар поднялся, поправил пояс:

– Значит, договорились. Мы делаем своё дело. Вы – своё. Западный Рейх будет доволен.

– Западный Рейх, – эхом отозвался митрополит, – получит всё, что обещано. А я получу мальчишку. Ступайте.

Они вышли – мышинный эmissар, чеканя шаг, и человек Шуйского, спотыкаясь на пороге. Дверь за ними затворилась беззвучно.

Митрополит остался один. Он поднялся, подошёл к окну, отдёрнул тяжёлую портьеру. Внизу, в сумерках, зажигались огни Царьграда – тысячи маленьких золотых искр. Город жил своей жизнью, не зная, что в его сердце, под золотыми ризами, уже решена его судьба.

– Дмитрий, – прошептал митрополит, и в голосе его послышалось нечто, похожее на голод. – Ты мой.

Золото на его облачении вспыхнуло в последний раз, и тьма в углах комнаты шевельнулась, довольно, согласно.

Тени сомкнулись.

ЧАСТЬ I. ПЛЕТЕНИЕ ПАУТИНЫ

2. Апрель 7094. Прибытие под Смоленск

Дорога от Царьграда до Смоленска заняла две недели. Весна в тот год выдалась ранняя, дружная – снег сошёл в неделю, и чернозём набух, задышал паром, готовый к пахоте. Но Дмитрий не замечал красот просыпающейся земли. Мысли его были далеко – там, где за горизонтом уже собирались тучи войны.

Отряд двигался быстро, меняя лошадей на заставах. Двенадцать всадников – сам Дмитрий, Дядька, Левка, Панкрат, Федька Грек и ещё семеро отборных гайдуков из Ловчего приказа. Все при оружии, все готовые к бою. За плечами – трёхлетняя выучка в столице, за поясом – заговорённые кинжалы, в сердце – тревога и надежда.

Смоленск открылся с высокого холма. Город лежал на левом берегу Днепра, раскинувшись по холмам, увенчанный белокаменными соборами и могучими крепостными стенами с башнями. Но красота эта была обманчивой. На дальних подступах, за рекой, уже виднелись дымы – горели деревни, жгли посадки. Северяне подошли близко, и осада могла начаться со дня на день.

– Красив, – крикнул Дядька, придерживая коня. – Смоленск-батюшка. Не раз его ляхи брали, не раз отбивали. И сейчас устоит.

– Устоит, – твёрдо ответил Дмитрий. – Поехали.

В воротах их уже ждали. Стражники, узнав царевичеву печать, пропустили без задержки, и вскоре отряд скакал по кривым улочкам, мимо тесных изб, амбаров, церквушек. Город жил своей жизнью, но в воздухе чувствовалось напряжение – люди говорили тише, чаще крестились, косились на западные ворота.

Ставка Ивана размещалась в старом княжеском тереме на Соборной горе. Дмитрий спрыгнул с коня, едва не упав от усталости, и сразу увидел брата.

Иван стоял на крыльце, широко улыбаясь, несмотря на тени под глазами и осунувшееся лицо. За его спиной толпились воеводы, дьяки, рынды в сверкающих доспехах.

– Брат! – крикнул Иван и сбегал по ступеням, раскинув руки.

Они обнялись крепко, по-мужски, хлопая друг друга по спине. Дмитрий чувствовал, как от Ивана пахнет потом, лошадьми и тем особым запахом военного лагеря, который он уже знал.

– Дождался, – выдохнул Иван. – А я уж думал, не успеешь. Северяне у самых стен.

– Успел, – ответил Дмитрий. – Как ты тут?

– Держимся. Пойдём, расскажу.

Они поднялись в горницу, где на столе была разложена карта, утыканная флажками. Воеводы остались за дверью – Иван хотел говорить с братом наедине.

– Тяжело, – признался он, едва они остались вдвоём. – Северяне превосходят нас числом. У них отличная пехота, рейтары, берсерки... и ещё кое-что.

– Нечисть? – тихо спросил Дмитрий.

– Да. Твари выползают по ночам, режут часовых, сеют панику. Мои люди боятся, деморализованы. Я рад, что ты приехал. Ты один знаешь, как с ними бороться.

Дмитрий подошёл к окну, глянул на запад, где за рекой догорал закат.

– Я справлюсь, брат. Рассказывай всё.

3. Рассказ царевича

Они проговорили до глубокой ночи. Иван рассказывал о положении дел, о потерях, о планах. Дмитрий слушал, задавал короткие, точные вопросы, как учил Дядька. Но главный разговор случился позже, когда свечи оплыли и за окнами завыл ветер.

– Ты должен знать, зачем мы здесь на самом деле, – начал Иван, отставляя пустой кубок.
– Не только чтобы отбить Смоленск. Это всё – только начало.

Он подошёл к карте, развёрнутой на стене.

– Смотри. Вот Смоленск – наш щит. Вот Витебск – город Северного королевства. А вот Могилёв – столица Болотной страны, которая вместе с Мышиным королевством составляет Двойную Страну. Ты знаешь эту географию. Но знаешь ли ты историю?

Дмитрий покачал головой.

– Примерно пятьсот лет назад, – Иван говорил медленно, словно ворочал камни, – жил легендарный вождь по имени Сокол. Он пришёл с севера, с тех самых земель, где сейчас правит Северное королевство. Он объединил под своей властью огромные пространства – от Балтики до верховьев Днепра и Двины. И знаешь, как он это сделал? Он взял в гарем около восьмисот женщин из всех покорённых племён.

Дмитрий слушал, и перед глазами вставали картины, которые трудно было вообразить. Восемьсот жён. Его собственные тридцать шесть казались теперь детской забавой.

– Не просто взял, – продолжал Иван. – Он принял Правильную веру из рук Второй Империи и крестил всех своих жён. Всех до единой. Понимаешь? Это сделало его не просто завоевателем, а сакральным центром. Все эти восемьсот родов, разросшиеся за столетия, несут в себе печать нашей веры, нашей крови.

Дмитрий молчал, переваривая услышанное.

– После смерти Сокола держава распалась. Северные земли вернулись к своим правителям – это будущее Северное королевство. Западные земли попали под влияние латинян, приняли их веру и образовали Двойную Страну. Но и там не всё просто: Мышиное королевство полностью латинское, хитрое, интригующее. А Болотная страна... там элита приняла латинство, а простой народ остался верен Правильной вере. Они раздвоены, как их болота – сверху гниль, а в глубине живая вода.

Иван подошёл ближе, положил руку на плечо Дмитрия:

– А мы, Соколовы Поскониин, остались единственными, кто хранит истинную веру в чистоте. Мы не можем сменить веру – если мы это сделаем, мы потеряем легитимность, потеряем право собирать земли предков. Понимаешь теперь, почему этот брак с Кристиной так важен?

– Принцесса Северного королевства, – медленно произнёс Дмитрий.

– Да. Она согласна принять Правильную веру. Если мы поженимся, это станет первым шагом к воссоединению. Север вернётся в семью. А дальше – Болотная страна. Там наши единовверцы задыхаются под латинским гнётом. Если они увидят, что Соколовы идут не завоёвывать, а восстанавливать справедливость, болото вскипит и сбросит мышей.

Иван замолчал, давая Дмитрию время осознать.

– А я? – тихо спросил тот. – Зачем я здесь? Ты мог бы просто приказать мне воевать.

– Ты – младший царевич, – ответил Иван. – У тебя есть право на царский гарем. Не графский, не княжеский – царский. Это значит, что ты можешь брать в жёны родовитых женщин – княгинь, вдов, наследниц целых земель. И каждый такой брак будет не просто постелью, а политическим актом. Женщина, ставшая твоей женой, приносит присягу нашему роду. Её земли переходят под нашу руку.

Дмитрий почувствовал, как по спине пробежал холодок. Он вспомнил Ольгу, её уроки, её игры, её слова о том, что его тело – оружие. Теперь это оружие должно было служить не просто удовольствию, а великой цели.

– В треугольнике между Смоленском, Витебском и Могилёвом, – продолжал Иван, – живут наши женщины. Вдовы, чьи мужья погибли на войне. Княгини, чьи земли разоряют мышиные наёмники. Настоятельницы монастырей, которые ненавидят латинян. Куп-

чихи, которым нужна защита на торговых путях. Они – ключ к этим землям. Найди их, стань их мужем, и они приведут тебя к своим владениям.

Дмитрий молчал долго. Потом поднял глаза на брата:

– А если они не захотят?

Иван усмехнулся:

– Ты умеешь говорить с женщинами, Дмитрий. Ольга выучила тебя не только саблём махать. Ты знаешь, как дать им то, чего им не хватает: защиту, уверенность, тепло. И если понадобится – постель. Это не стыдно, это работа. Самая важная работа сейчас.

За окнами завыл ветер. Дмитрий смотрел на карту, на флажки, на линии фронта, и перед его внутренним взором вставала паутина, которую ему предстояло сплести. Паутина из женских сердец, из обещаний, из ночей любви и утренних клятв.

– Я понял, брат, – сказал он наконец. – Я сделаю это.

Иван обнял его:

– Знаю. Потому и говорю с тобой как с равным. А теперь иди отдыхай. Завтра начнётся твоя война.

4. Первая разведка

Рассвет едва обозначился бледной полосой на востоке, когда Дмитрий и Левка отвязали лодку от коряги на смоленском берегу. Туман стелился над Днепром молочной пеленой, скрывая их от глаз вражеских дозоров. Левка работал вёслами бесшумно, как рыба, – только лёгкий всплеск выдавал движение, да и тот тонул в предутренней тишине.

– Здесь, царевич, – шепнул Левка, когда лодка ткнулась носом в илистый берег. – Отсюда до их лагеря версты три лесом.

Они замаскировали лодку в кустах и двинулись вглубь. Лес стоял сырой, осенний, пахло прелой листвой и болотной гнилью. Дмитрий вслушивался в каждый шорох, в каждое движение веток. Левка шёл впереди, как прирождённый следопыт, – ступал мягко, не ломая сучьев, и, казалось, сам сливался с лесом.

Через час они вышли к опушке. Левка замер, поднял руку. Дмитрий присел, вглядываясь в просвет между деревьями.

Внизу, в широкой низине, раскинулся лагерь северян. Тысячи шатров, коновязи, костры, у которых грелись воины в рогатых шлемах и медвежьих шкурах. Дмитрий насчитал не меньше трёх тысяч – ударная сила, готовая в любой момент обрушиться на Смоленск.

– Берсерки, – шепнул Левка, кивнув в сторону отдельной группы шатров, обнесённых частоколом.

Оттуда доносился глухой рёв, похожий на звериный. Воины в медвежьих шкурах ходили кругами, били себя в грудь, раскачивались в каком-то диком трансе. Даже на расстоянии Дмитрий чувствовал исходящую от них волну холодной, нечеловеческой ярости.

Но холодок под ложечкой появился не от них. Он был другим – более древним, тягучим, липким. Тот самый, что в столице предупреждал о близости «золотых» тварей.

– Назад, – одними губами приказал Дмитрий, дёргая Левку за рукав.

Они отползли в чащу, затаились в буреломе, прижавшись к замшелому стволу упавшей ели. И вовремя.

Из леса, шагах в двадцати от них, вышли двое. Они двигались бесшумно, плавно, будто плыли над землёй. Слишком бледные лица, слишком длинные пальцы, неестественная гибкость движений. Оба в дорогах, но странных одеждах – чёрные кафтаны, серебряные пояса, на шеях – тяжёлые золотые цепи, которые тускло мерцали даже в сумраке леса.

«Утончённые».

Те самые твари, о которых Дмитрию рассказывал Агафон. Слуги мышинных магнатов, а возможно, и самого митрополита. Они не носили доспехов, не держали в руках оружия –

им это было не нужно. Их оружием были когти, зубы и та древняя сила, что делала их почти неуязвимыми для обычной стали.

Твари остановились в десятке шагов, пригнувшись. Дмитрий замер, стараясь даже не дышать. Левка лежал рядом, и по тому, как напряглось его тело, Дмитрий понял: разведчик тоже чувствует опасность.

Один из «утончённых» повернул голову в их сторону. На миг Дмитрий встретился с ним взглядом – и увидел в этих глазах бездну. Не зло, не ярость – просто древний, равнодушный голод, перед которым человек был лишь пищей.

Но тварь отвела взгляд. Почуяла ли она заговорённую сталь на поясе Дмитрия? Или просто не нашла того, что искала? Они постояли ещё мгновение и растворились в лесу так же бесшумно, как появились.

Дмитрий выдохнул, чувствуя, как по спине течёт холодный пот. Рядом мелко дрожал Левка – впервые на памяти Дмитрия.

– Что это было, царевич? – прошептал он.

– Нечисть, – ответил Дмитрий, поднимаясь. – Самая опасная. Та, что под личинами ходит, под золотом прячется. Здесь, на войне, им раздолье – крови много, трупов много, страх человеческий – как мёд для них.

Он оглянулся на лагерь северян, на шатры берсерков, на лес, где скрылись твари, и впервые за долгое время почувствовал себя не охотником, а дичью.

– Надо возвращаться, – сказал он. – Ивану нужно знать, с чем мы столкнулись.

Они пошли назад, к лодке, стараясь не шуметь. Но Дмитрий знал: эта разведка изменила всё. Война переставала быть просто войной людей. Начиналась охота. И он, охотник, должен был стать в ней главным.

5. Май 7094. Горящий хутор

Дым увидели ещё за три версты – чёрный, жирный столб, поднимавшийся к небу и заслонивший солнце. Левка, ехавший впереди, привстал на стременах, прищурился:

– Горит что-то, царевич. Не иначе хутор.

Дмитрий прищипил коня, забыв об осторожности. Дым пах не просто костром – он пах бедой. Так пахнет сожжённое жильё, убитые люди, конец всего, что строилось годами.

Хутор открылся за поворотом. Несколько строений на пригорке, окружённые молодым березняком. Горела изба, горел сарай, горела конюшня. Пламя уже перекинулось на крышу амбара, и оттуда доносился отчаянный визг свиней.

Во дворе метались люди. Трое в рваных сермягах, с топорами и ножами, с мешками за плечами – мародёры, дезертиры, наживавшиеся на чужом горе. Они выволакивали из уцелевшей части избы узлы, пинали попавшую под ноги утварь, ржали как кони.

У крыльца, прижатая к стене, стояла женщина с двумя детьми. Молодая, светловолосая, в разодранном платье, она заслоняла собой мальчика и девочку лет пяти-семи. Один из мародёров тянул к ней руки, двое других наблюдали, довольно скалясь.

Дмитрий не думал. Тело сработало раньше, чем мозг успел оценить обстановку. Он выхватил саблю и влетел во двор, даже не оглянувшись на Левку.

Первого мародёра, того, что тянул руки к женщине, он снял одним ударом – сабля вошла в шею, и голова, отделившись от тела, покатилась по земле, заливая траву чёрной в пыли кровью. Тело рухнуло, даже не вскрикнув.

Второй попытался защититься топором, но Дмитрий был быстрее, злее. Короткий выпад – лезвие вошло под рёбра, и мародёр осел на землю, хрипя и зажимая рану.

Третий побежал. Левка, уже спешившийся, вскинул пистоль, но Дмитрий крикнул:

– Живым!

Левка догнал мародёра в поле, сбил с ног прикладом и приволок обратно во двор, бросив к ногам Дмитрия.

– Кто послал? – спросил Дмитрий, наступая сапогом на горло поверженного.

– Никто... сами... – захрипел тот. – Дезертиры мы... из полка...

– Врёшь, – спокойно сказал Дмитрий и нажал сильнее. – Кто?

– Мыши! – выкрикнул мародёр, захлёбываясь кровью. – Мыши наняли... шляхту резать... православных...

Дмитрий убрал ногу, коротким движением сабли добил мародёра и обернулся к женщине.

Она стояла, не шевелясь, закрывая собой детей. Платье на ней было разорвано до пояса, на лице – багровый кровоподтёк, губа рассечена. Но глаза – большие, серые, полные ужаса и надежды – смотрели на него неотрывно.

– Не бойся, – сказал он, убирая саблю в ножны. – Я не обижу.

Она рухнула на колени. Рухнула, уткнувшись лицом в его сапоги, и зарыдала – навзрыд, отчаянно, как рыдают люди, когда отпускает страх, когда понимают, что спасены. Дети, мальчик и девочка, жались к ней, тоже плача, тоненько, жалобно.

– Встань, – Дмитрий поднял её, чувствуя, как дрожит её тело. – Надо тушить пожар, пока всё не сгорело.

Вместе с Левкой они оттащили вёдра от колодца, заливали угли, разбирали горящие брёвна, вытаскивали из амбара обезумевшую от страха скотину. К вечеру пожар удалось потушить. Изба уцелела наполовину – одна стена обгорела, крыша провалилась, но часть жилья можно было восстановить. Сарай и конюшня сгорели дотла.

Женщина сидела на завалинке, обхватив детей, и смотрела, как Дмитрий возится с головешками. Когда он закончил и подошёл к ней, она подняла глаза.

– Как зовут? – спросил он, садясь рядом.

– Агата, – ответила она тихо. Голос дрожал, но в нём уже появилась твёрдость. – Муж мой, пан Тышкевич, шляхтич был... мыши его убили месяц назад. За то, что православный. Оставили меня с детьми. А теперь вот и хутор...

Она замолчала, снова заплакала, но тихо, уже не навзрыд. Дмитрий обнял её за плечи, прижал к себе. Она не отстранилась, наоборот – прильнула, ища защиты, тепла, уверенности, что всё это не снится.

– Я помогу, – сказал он. – Восстановим хутор. И охрану оставлю.

Она подняла на него глаза – благодарные, влажные от слёз, и в них уже загоралось что-то ещё. То особенное, что возникает между спасённым и спасителем, когда грань между благодарностью и чем-то большим стирается.

Ночь опустилась на хутор тихая, тёплая. Дмитрий сидел у костра, который развёл во дворе, грел руки. Дети уснули в уцелевшей части избы, утомлённые пережитым ужасом. Агата вышла, под села рядом.

Молчали долго. Потом она взяла его руку, прижала к своей щеке.

– Спасибо тебе, – прошептала. – Если бы не ты... они бы меня... и детей...

– Не надо, – остановил он. – Я не мог пройти мимо.

Она смотрела на него, и в этом взгляде было всё: и боль потери, и одиночество, и отчаяние, и надежда, и та особенная женская благодарность, которую невозможно выразить словами.

Она поцеловала его первой. Робко, неуверенно, будто боялась, что он оттолкнёт. Он ответил, притянул к себе, и в этом поцелуе смешались и страсть, и нежность, и то древнее, что возникает между мужчиной и женщиной, когда мир вокруг рушится, а они остаются вдвоём.

Они любили друг друга у костра, под звёздами. Агата отдавалась ему с отчаянной, почти звериной страстью, в которой смешались благодарность, желание забыться и надежда на то, что

этот сильный человек не оставит её, защитит, будет рядом. Она целовала его шрамы, гладила грудь, шептала что-то на польском, чего он не понимал, но чувствовал каждое слово.

– Не уходи, – прошептала она потом, уткнувшись носом ему в плечо. – Останься.

– Не могу, – ответил он честно. – Война. Но я вернусь. Обещаю.

– Буду ждать, – сказала она. – Всегда буду ждать.

Утром, уезжая, он оглянулся. Агата стояла на крыльце обгоревшей избы, прижимая к себе детей, и смотрела ему вслед. Ветер трепал её светлые волосы, в глазах блестели слёзы, но она улыбалась.

Дмитрий знал: эта женщина станет его верной союзницей. Не просто постель, не просто благодарность – настоящее доверие, которое выковалось в огне. Таких союзников не предают, и они не предадут.

– Твоя первая, царевич, – усмехнулся Левка, когда они отъехали. – Хорошая баба. Верная будет.

– Будет, – кивнул Дмитрий, прищипывая коня. – И не последняя.

6. Обустройство базы

Утро выдалось ясное, солнечное. Дым над хутором почти рассеялся, только головешки ещё парили, напоминая о вчерашнем пожаре. Дмитрий сидел на крыльце, глядя, как Агата хлопочет у колодца – достаёт воду, умывает детей, поправляет на них одежку. Движения её были уже не судорожными, как вчера, а спокойными, хозяйскими.

– Левка, – окликнул он гайдука, который возился с лошадьми. – Скачи в ставку. Привези плотников, припасы, пару человек для охраны. И оружие.

Левка кивнул, вскочил в седло и скрылся за поворотом.

Дмитрий подошёл к Агате, взял её за руку:

– Теперь здесь будет наш тайный стан. Ты будешь моими глазами и ушами в этих краях. Будешь принимать гонцов, передавать вести, укрывать людей. Сможешь?

Она посмотрела на него долгим взглядом, потом кивнула:

– Всё сделаю, царевич. Только научи.

Из-за подولا матери выглянула девочка – лет пяти, светловолосая, с большими серыми глазами. Смотрела на Дмитрия с любопытством, без страха.

– Это Марыся, – улыбнулась Агата. – А это Янка.

Мальчик лет семи, коренастый, с отцовским упрямым подбородком, вышел вперёд, разглядывая саблю на поясе Дмитрия.

– Ты много мышей убил? – спросил он серьёзно.

– Много, – ответил Дмитрий, присаживаясь на корточки. – И ещё убью.

– А меня научишь?

– Подрастёшь – научу. А пока слушай мать и береги сестру.

Янка кивнул, и в его глазах Дмитрий увидел ту самую твёрдость, что бывает у людей, рано познавших горе.

К вечеру вернулся Левка с подмогой: двое гайдуков, плотник с инструментом, телега, гружённая припасами. Закипела работа – чинили крышу, ставили новый забор, носили дрова. Агата суежилась, кормила работников, и в глазах её появился тот блеск, который бывает у людей, когда к ним возвращается надежда.

Ночью, когда всё затихло, они снова были вместе. Агата прижималась к Дмитрию, гладила его грудь, шептала:

– Спасибо тебе за всё. За детей, за дом, за жизнь.

– Я же обещал, – ответил он, целуя её в лоб.

– Обещай ещё, – попросила она. – Что вернёшься.

– Вернусь. Обязательно.

Утром он уезжал. Агата стояла на крыльце, держа за руки детей. Янка махал рукой, Марыся пряталась за материнскую юбку. Дмитрий оглянулся в последний раз и прищепил коня.

Хутор остался позади, но в душе поселилось тёплое чувство – он сделал то, что должен. И где-то там, в прифронтовой полосе, у него появился ещё один дом, ещё одна семья, ещё одна ниточка, связывающая его с этой землёй.

7. Июнь 7094. Первый штурм Смоленска

Штурм начался на рассвете, когда туман ещё стелился над Днепром, скрывая подходы к стенам. Первыми ударили северные пушки – ядра застучали по крепостным башням, выбивая крошку из вековых камней. Затем, перекрывая грохот канонады, раздался протяжный рёв рогов, и многотысячная армия хлынула на приступ.

Дмитрий стоял на стене рядом с Иваном, сжимая в руке саблю – простую, из хорошей стали, но без всяких заговорённых хитростей. Брат не отпускал его от себя, зная, что в этом аду только на Дмитрия можно положиться безоговорочно.

– Держаться! – кричал Иван, обходя защитников. – Смоленск не сдаётся! За нами – вся Псковия!

Волна за волной северяне лезли на стены. Их рейтары спешили и шли в пешем строю, прикрываясь щитами, методично, страшно в своей дисциплинированной жестокости. Лестницы с грохотом ударялись о стены, и тут же на них взлетали воины в рогатых шлемах.

Но хуже всего были берсерки. Огромные, закутанные в медвежьи шкуры, они не чувствовали боли, не боялись смерти. Стрелы вязли в их телах, не причиняя вреда, сабли скользили по шкурам, оставляя лишь царапины. Там, где они прорывались на стену, начиналась кровавая баня.

– Князь! – заорал кто-то слева. – Берсерки!

Дмитрий обернулся. Десяток медвежьих шкур уже взбирался на стену в полусотне шагов от них. Защитники дрогнули, попятились. Ещё мгновение – и северяне прорвут оборону, ворвутся в город.

– За мной! – крикнул Иван, бросаясь к месту прорыва.

Дмитрий рванул следом, опережая брата. Он видел только одно: огромного вожака, возглавлявшего атаку. Тот уже вскочил на стену, размахивая топором размером с доброе бревно. Двое стрельцов попытались задержать его – вожак снёс их одним ударом, даже не замедлившись.

Иван оказался рядом с берсерком раньше, чем Дмитрий успел его остановить. Царевич рубанул саблей – лезвие лишь чиркнуло по медвежьей шкуре, не причинив вреда. Вожак взревел и занёс топор над головой Ивана.

Дмитрий не думал. Тело сработало быстрее мысли. Он прыгнул, заслоняя брата, и в тот же миг сама собой взметнулась сабля – простой, но верный клинок, выкованный деревенским кузнецом. Лезвие вошло берсерку точно в горло, чуть выше ключиц, туда, где медвежья шкура расходилась, открывая полосу незащищённой кожи.

Вожак захрипел, выронил топор и рухнул на камни, заливая всё вокруг чёрной, густой кровью. Тело его ещё билось в конвульсиях, когда Дмитрий уже развернулся к следующему врагу.

– За царевича! – заорал кто-то из стрельцов, и защитники, воодушевлённые гибелью вожака, ринулись в контратаку.

Бой кипел ещё час, но прорыв был ликвидирован. Берсерки, оставшись без предводителя, дрались зло, но бестолково, и к полудню их перебили всех до одного.

Дмитрий стоял, опершись на саблю, и переводил дух, когда вдруг почувствовал жгучую боль в боку. Опустил глаза – кольчуга была разодрана, и из-под неё сочилась кровь. Один из берсерков всё же достал его когтями в той самой схватке, когда он заслонял Ивана.

– Дмитрий! – Иван подхватил его под руку, не давая упасть. – Жив?

– Жив, – выдохнул тот сквозь зубы. – Ты как?

– Цел. Ты спас меня, брат.

Подроспевшие гайдуки подхватили Дмитрия, понесли вниз, в лазарет. Иван шёл рядом, сжимая его руку. В глазах царевича стояли слёзы – не стыдась, открыто.

Вечером по всему Смоленску только и говорили что о подвиге младшего царевича. Дмитрий, замотанный бинтами, лежал в лазарете, принимая поздравления от воевод, бояр, простых ратников. Иван сидел рядом, не отходя ни на шаг.

– Теперь ты герой, – сказал он тихо. – Теперь о тебе заговорят. И женщины, которых ты ищешь, будут знать: за этим царевичем не пропадёшь.

Дмитрий усмехнулся сквозь боль:

– Значит, не зря кровь пролил.

– Не зря, – ответил Иван. – Теперь плетём паутину дальше.

8. После боя

Лазарет размещался в подклете старой церкви на Соборной горе. Здесь пахло кровью, гноем, травяными настоями и той особой, тяжёлой вонью, которая всегда сопровождает массовые ранения. Стоны раненых, всхлипы умирающих, бормотание врачей – всё сливалось в один непрерывный, давящий на уши гул.

Дмитрий лежал на жёсткой лавке, застеленной соломой, укрытый драным тулупом. Рана в боку, перевязанная чистыми тряпицами, ныла тупой, пульсирующей болью. Доктор, старый кривой мужик с трясущимися руками, сказал, что повезло – берсерк полоснул когтями по касательной, задел только мясо, внутренности целы. Заживёт недели за две, если лихорадка не свалит.

Лихорадка пока не брала. Дмитрий лежал с открытыми глазами, глядя в тёмный сводчатый потолок, и думал о том, что успел сделать за эти месяцы. Агата, хутор, первые ниточки. Игуменя, купчиха. Княгиня Ольга, ставшая его женой. Паутина плелась, но слишком медленно, слишком робко.

Дверь лазарета отворилась, впуская струю свежего воздуха. Вошёл Иван – без свиты, без охраны, один. Лицо его было бледным, под глазами залегли тени, но взгляд оставался твёрдым.

– Жив, брат? – спросил он, подходя и садясь на край лавки.

– Жив, – усмехнулся Дмитрий. – Доктор говорит, заживёт. Если не сдохну от его лечения.

Иван улыбнулся, но улыбка быстро погасла. Он взял руку Дмитрия, сжал:

– Ты спас меня сегодня. Если бы не ты...

– Если бы не я, ты бы тоже отбился, – перебил Дмитрий. – Ты сильный.

– Не в этом дело, – покачал головой Иван. – Дело в том, что ты – мой брат. Настоящий. Не по молоку только, а по крови, по делу. Я это запомню.

Они помолчали. Вокруг стонали раненые, где-то в углу доктор прижигал кому-то рану раскалённым железом, и воздух наполнился запахом палёного мяса.

– Мы не удержим Смоленск, если не получим помощи изнутри, – вдруг сказал Иван, понизив голос. – Северяне сильны, у них дисциплина, у них берсерки, у них... нечисть эта. А мы – только стены и вера.

– Я знаю, – кивнул Дмитрий. – Потому и плету сеть.

– Как успехи?

– Есть одна вдова, Агата. Её хутор теперь наш тайный стан. Есть игуменья, мать Евпраксия. Монастырь станет убежищем и узлом связи. Есть купчиха, Феодосия. Её обозы пойдут под нашей охраной, через них будем передавать вести.

Иван слушал внимательно, не перебивая.

– И есть княгиня Смоленская, – добавил Дмитрий чуть тише. – Ольга. Мы обвенчались тайно. Её земли, её замок, её люди – теперь наши.

Иван присвистнул:

– Быстро ты. Я думал, на это месяцы уйдут.

– Три дня и три ночи, – усмехнулся Дмитрий. – Она женщина умная, сразу поняла, где выгода. А потом... потом там и до страсти дошло.

– Значит, ты теперь муж княгини, – задумчиво произнёс Иван. – Это хорошо. Это очень хорошо. Её замок стоит на ключевых высотах, её люди знают каждый овраг в округе. Через неё мы сможем влиять на всю Смоленщину.

– Сможем, – согласился Дмитрий. – Но нужно больше. Нужны союзники среди местной знати. Женщины – вдовы, матери, сёстры тех, кто погиб или продан мышам. Они держат в руках ключи от многих замков.

Иван поднялся, прошёлся по тесному пространству лазарета, лавируя между лавками с ранеными.

– Ты прав, – сказал он, остановившись. – Местные княгини и вдовы – вот наша опора. Мужья их погибли на войне или служат мышам за страх и золото, а жёны остались одни, с детьми, с хозяйством, со страхом. Они ищут защиты. И ты можешь дать им эту защиту.

– Через постель? – прямо спросил Дмитрий.

– Через постель, через слово, через дело, – ответил Иван. – Ты умеешь с женщинами. Ольга выучила тебя не только саблю держать. Ты знаешь, как дать им то, чего им не хватает: уверенность, тепло, обещание, что завтра будет лучше. Это не стыдно, брат. Это война. И на этой войне твоё тело – такое же оружие, как сабля или кинжал.

Дмитрий молчал, переваривая. Воспоминания об Ольге, о её уроках, о её играх нахлынули внезапно, смешиваясь с болью в боку.

– Я понял, – сказал он наконец. – Буду работать дальше.

Иван снова сел рядом, положил руку ему на плечо:

– Поправляйся. А как встанешь – поезжай к княгине, укрепляй союз. И ищи других. Вокруг Смоленска много знатных родов. Мыши их давят, болотные продались, северяне жгут. Они наши естественные союзники. Приведи их под нашу руку.

– Приведу, – пообещал Дмитрий.

В дверях Иван обернулся:

– И береги себя, брат. Ты мне нужен живым. Не только для дела – для души.

Дверь затворилась. Дмитрий остался один, глядя в тёмный потолок и слушая стоны раненых. Паутина плелась. И он был в её центре – паук, которому предстояло опутать нитями любви и верности весь этот край.

9. Июль 7094. Монастырь под Оршей

Монастырь стоял на высоком берегу Днепра, окружённый дубовыми стенами, почерневшими от времени. Когда-то они были надёжной защитой от литовских набегов, теперь же лишь напоминали о былом величии. Дмитрий подъехал к воротам, когда солнце уже клонилось к закату, бросая багровые отсветы на золочёные купола соборной церкви.

Агата договорилась о встрече через своих людей. Она же дала и пропуск – небольшой вощёный образок, который Дмитрий сжимал в руке, когда привратница впускала его внутрь.

В монастыре пахло ладаном, сушёными травами и той особенной, намоленной тишиной, которая бывает только в святых обителях. Дмитрий шёл за послушницей мимо келий, мимо

трапезной, мимо высокой колокольни, и с каждым шагом чувствовал, как городская суета, война, кровь – всё это остаётся за стенами.

Мать Евпраксия ждала его в игуменской келье – небольшой, но светлой комнате с высокими сводами. У окна, залитая вечерним солнцем, сидела женщина лет пятидесяти, с властным, умным лицом и цепкими, живыми глазами. На ней было простое чёрное облачение, но держалась она с таким достоинством, что Дмитрий невольно поклонился ниже, чем обычно кланялся знатным боярыням.

– Садись, царевич, – сказала она, указывая на лавку. Голос у неё оказался низким, грудным, привыкшим повелевать. – Агата много о тебе рассказывала. Герой, спаситель, защитник. Посмотрим, так ли это.

Дмитрий сел, положив руки на колени. Он чувствовал себя неуютно под её пронзительным взглядом, но вида не подавал.

– Матушка, – начал он, – я пришёл просить помощи.

– Знаю, – перебила она. – Агата говорила. Ты ищешь союзников среди наших женщин. Это правильно. Здесь, в приграничье, без женской поддержки не выжить. Мужчины воюют, гибнут, продаются. А мы остаёмся. И держим землю.

Она помолчала, глядя на него, потом заговорила снова:

– Что ты знаешь о наших краях, царевич?

– Знаю, что элита здесь приняла латинство, а народ остался верен Правильной вере, – ответил Дмитрий. – Знаю, что мыши давят, болотные продались, а православные ищут защиты.

– Верно, – кивнула игуменья. – Мы здесь как в осаждённой крепости. Кругом враги, а помощи нет. Царьград далеко, царевич ваш Иван занят войной, а мы... мы молимся и ждём.

Она поднялась, подошла к окну, глядя на заходящее солнце.

– Я стара, царевич. Мне уже нечего бояться, кроме греха. Но у меня есть сёстры, есть послушницы, есть миряне, что приходят в монастырь за советом и утешением. Все они смотрят на меня. И если я ошибусь, если поддержу не того – они погибнут.

– Я не подведу, – твёрдо сказал Дмитрий.

– Знаю, – обернулась она. – Потому и говорю с тобой. Агата верит тебе. Княгиня Смоленская, что стала твоей женой, тоже верит. А они женщины умные, не ошибаются в людях.

Она вернулась на место, снова уставилась на него своим пронзительным взглядом:

– Что тебе нужно?

– Связь, – ответил Дмитрий. – Монастырь – идеальное место для передачи вестей. Сюда приходят люди со всей округи, здесь можно укрыть раненых, спрятать беженцев, передать письма. Ваши сёстры могут стать моими глазами и ушами.

– А что взамен?

– Защита. Мои люди будут охранять монастырь от мародёров, от мышиных наёмников. Если придётся – я сам встану на стены.

Мать Евпраксия долго смотрела на него, потом кивнула:

– Хорошо. Я согласна. Но помни, царевич: если ты предашь, если твои люди тронут хоть одну из моих сестёр, я прокляну тебя перед Богом. И проклятие моё будет страшнее любого мышиного золота.

– Я не предам, – ответил Дмитрий. – Клянусь.

Она поднялась, подошла к нему, положила руку на голову – благословляя.

– Иди с миром, сын мой. И помни: здесь у тебя есть дом. Всегда.

Дмитрий вышел из монастыря, когда уже стемнело. На душе было светло и спокойно. Ещё одна нить вплелась в его паутину. И эта нить была прочной, как намоленные стены древней обители.

10. Ярмарка на Днепре

Ярмарка раскинулась на песчаной косе при впадении небольшой речушки в Днепр – тысячи телег, шатров, лотков, шалашей. Гомон стоял на десятке языков: польская речь мешалась с литовской, немецкая – с русской, и над всем этим витал запах жареного мяса, дёгтя, конского пота и дешёвых духов. Сюда съезжались купцы со всей округи – и из Посконии, и из Болотной страны, и даже из-за мышиных рубежей.

Дмитрий, переодетый простым служилым человеком, пробирався сквозь толпу, оглядываясь по сторонам. Левка, сопровождавший его, уже затерялся где-то среди торговых рядов – вынюхивал, высматривал, собирал слухи.

Федька Грек указал на большой шатёр из плотной парусины, украшенный вышитым полотнищем с купеческим знаком. У входа стояли двое дюжих молодцов с дубьём – охрана.

– Здесь, царевич, – шепнул Федька. – Феодосия, вдова, своё дело ведёт. Торгует со всеми, кто платит. Умна, хитра, себе на уме. То, что надо.

Дмитрий кивнул и шагнул внутрь.

В шатре пахло кожей, воском, заморскими пряностями. Вдоль стен громоздились тюки с товаром, на столике красного дерева поблёскивали медные весы. У походного ложа, застеленного дорогими коврами, сидела женщина – лет тридцати, красивая той зрелой, уверенной красотой, что приходит с опытом и деньгами. Тёмные волосы уложены в сложную причёску, на шее – нитка крупного жемчуга, на пальцах – перстни. Платье из тёмно-вишнёвого аксамита облегалo ладную фигуру, и даже сидя она держалась с достоинством королевы.

– Царевич, – усмехнулась она, оглядывая его с головы до ног. – Какая честь. Чем обязана?

Дмитрий поклонился, как учила Ольга – с достоинством, но без подобострастия:

– Разговор есть, Феодосия. Тайный и важный.

Она кивнула охране, те вышли, занавесив полог. В шатре стало тихо, только снаружи доносился приглушённый гул ярмарки.

– Садись, царевич, – указала она на табурет. – Говори.

Дмитрий говорил прямо, без обиняков. О войне, о том, что северяне скоро пойдут на Смоленск, о мышиных интригах и болотных магнатах, продавшихся латинянам. О том, что ему нужны глаза и уши во всей округе, и что её обозы, ходящие через границы, – идеальный канал для передачи вестей.

– Я дам тебе охрану, – сказал он. – Мои люди будут сопровождать караваны под видом наёмников. Если кто тронет – ответит. И покровительство. Моё имя и имя царевича Ивана защитят тебя от многих бед.

Феодосия слушала внимательно, не перебивая. Только в глазах её мелькали искорки – то ли интереса, то ли расчёта.

– А что ты хочешь взамен, царевич? – спросила она, когда он замолчал. – Кроме моей верности?

– Твоей верности достаточно.

– Верность верностью, а дело делом, – она поднялась, подошла ближе. От неё пахло дорогими духами и той особенной женской силой, которая не нуждается в словах. – Ты красив, силен, и от тебя пахнет победой. Такие мужчины здесь редкость.

Она положила руку ему на плечо, чуть сжала пальцы:

– Останься сегодня. Поговорим о делах... подробнее.

Дмитрий не стал отказываться. Он знал цену таким разговорам.

Они пили вино, говорили о торговле, о ценах, о дорогах. Феодосия оказалась умной собеседницей – знала не только купеческие тайны, но и политические расклады, имена магнатов, слабые места мышиной администрации.

А потом разговор иссяк сам собой, и остались только взгляды, только прикосновения, только жар, разгорающийся между ними.

Ночь в шатре купчихи была не похожа на те, что Дмитрий проводил с Агатой. Феодосия знала себе цену, знала, чего хочет, и брала это без стеснения. Она была страстна, изобретательна, требовательна, и Дмитрий отвечал ей тем же, чувствуя, как в этой близости рождается не просто благодарность, а настоящий союз – равных, понимающих друг друга без слов.

– Ты опасен, царевич, – сказала она утром, провожая его. Её волосы были распущены, на губах – лёгкая, сытая улыбка. – Но мне такие и нужны. Договорились. Мои обозы – твои глаза и уши. А ты... ты заезжай, когда сможешь. Не только за вестями.

– Заеду, – пообещал Дмитрий, целуя её на прощание.

Он вышел из шатра, шурясь на утреннее солнце. Левка уже ждал неподалёку, довольно усмехаясь:

– Ещё одна, царевич?

– Ещё одна, – кивнул Дмитрий, садясь на коня. – И очень полезная.

Паутина плелась дальше. И каждая новая нить была прочна, как купеческое слово, скреплённое не только золотом, но и страстью.

11. Август 7094. Княгиня Полоцкая

Иван вызвал Дмитрия, когда рана почти зажила и тот уже начал выходить из лазарета. Царевич сидел в своей горнице над картами, при свете оплывших свечей. Лицо его было осунувшимся, под глазами залегли тени – осада выматывала всех, даже наследника.

– Есть дело для тебя, брат, – сказал он без предисловий, указывая на лавку. – Важное.

Дмитрий сел, ждал. Иван развернул карту, ткнул пальцем в точку севернее Смоленска.

– Полоцк. Княгиня Полоцкая, вдова, владеет ключевыми землями на Западной Двине. Её замки контролируют пути на Витебск и дальше, к самому сердцу Болотной страны.

– Знаю, – кивнул Дмитрий. – Слышал о ней. Говорят, умна, красива, держит власть твёрдой рукой.

– Всё так, – подтвердил Иван. – Её муж, старый князь, погиб год назад при загадочных обстоятельствах. Поговаривают, мышинные агенты постарались. С тех пор она одна правит, лавирует между болотными магнатами, мышинными эмиссарами и нашими интересами.

Он поднял глаза на Дмитрия:

– Она нам нужна, брат. Её земли – ключ к Полоцку, а Полоцк – ключ ко всей северной части Болотной страны. Если она будет нашей, мы получим плацдарм для удара на Витебск и возможность перекрыть мышам пути снабжения.

– Ты хочешь, чтобы я на ней женился, – понял Дмитрий.

– Да. Тайно, но по всем правилам. Ты – младший царевич, имеешь право на царский гарем. Брак с тобой даст ей защиту нашего имени и легитимность перед её народом. А мы получим её земли, её замки, её людей.

Дмитрий помолчал, обдумывая.

– Она согласится?

– У неё нет выбора, – усмехнулся Иван. – Мыши давят, болотные продались, северяне жгут деревни. Она ищет защиты, и мы – единственные, кто может её дать. Но просто так она не сдастся. Ты должен её убедить. Не только умом, но и... всем, что умеешь.

Дмитрий понял намёк.

– Когда ехать?

– Сейчас. Пока северяне затаились после штурма, у тебя есть неделя, от силы две. Возьми с собой малый отряд, переоденьтесь купцами. Княгиня знает, что ты приедешь, я отправил гонца с тайным письмом.

Через два дня Дмитрий уже скакал на север, в сторону Полоцка. С ним были Левка, Федька Грек и двое самых надёжных гайдуков. Все в простых сермягах, с товаром в перемётных сумках – настоящие купцы, везущие меха и воск на продажу.

Дорога вилась лесами, болотами, мимо сожжённых деревень и брошенных хуторов. Война чувствовалась здесь даже сильнее, чем под Смоленском – запустение, страх, запах гари. Дмитрий сжимал зубы и гнал коня вперёд.

Замок княгини Полоцкой открылся на исходе третьего дня. Он стоял на высоком холме при впадении небольшой речки в Западную Двину, окружённый мощными каменными стенами с башнями. Над главной башней реял стяг – серебряный всадник на красном поле.

– Красив, – присвистнул Левка. – Не хуже смоленского.

– Держись, – одёрнул его Дмитрий. – Мы купцы, не забыли?

В воротах их долго расспрашивали, ощупывали товар, сверялись с какими-то списками. Наконец пропустили. Во дворе замка былолюдно – суежилась прислуга, гремели оружием дружинники, куда-то бежали поварята с котлами. Жизнь кипела, несмотря на войну.

К ним подошёл немолодой уже дворецкий, важный, с серебряной цепью на груди:

– Кто такие? Откуда?

– Из Смоленска мы, – ответил Дмитрий, кланаясь. – С товаром. Слышали, что княгиня наша закупает меха для дружины.

Дворецкий оглядел их, прищурился, но спорить не стал:

– Ждите здесь. Доложу.

Ждать пришлось долго. Солнце уже клонилось к закату, когда за ними пришли. Дмитрия одного провели в княжеские покои на втором этаже главной башни.

Она ждала его в светлице, освещённой множеством свечей. Княгиня Евдокия – так, кажется, звали её – оказалась женщиной лет тридцати, высокой, статной, с точеной фигурой и правильными чертами лица, в которых угадывалась порода. Тёмные волосы уложены в сложную причёску, открывающую длинную шею. На ней было тёмно-синее платье, расшитое серебряными цветами, на груди – тяжёлое ожерелье из крупного жемчуга.

Она смотрела на него спокойно, изучающе, без тени женского кокетства.

– Царевич, – произнесла она, чуть склонив голову. – Я ждала вас. Прощу.

Дмитрий шагнул вперёд, и дверь за ним затворилась.

12. Переговоры и страсть

Княгиня Ольга – он узнал её имя только сейчас, когда она сама назвалась, – оказалась женщиной не только красивой, но и умной, с твёрдым, расчётливым умом. Первый вечер ушёл на переговоры. Она слушала его предложения, задавала точные вопросы, торговалась за каждую мелочь, словно речь шла не о браке, а о купле-продаже земель.

– Я получу защиту от мышей и болотных, – говорила она, меряя шагами светлицу. – Мои люди будут в безопасности, мои земли останутся за мной. А что получу я лично?

– Меня, – просто ответил Дмитрий. – И имя Соколовых. Ты станешь женой младшего царевича, твои дети – князьями крови. Ни один мышиный магнат не посмеет тронуть тебя.

Она остановилась, посмотрела на него долгим, изучающим взглядом:

– Ты красив, царевич. Это я вижу. Но красота – не главное. Мне нужна сила. Твоя сила. Докажи, что ты сможешь защитить меня, когда придёт беда.

– Докажу, – ответил он, и в его голосе прозвучала та спокойная уверенность, которая действует на женщин сильнее любых клятв.

Ночь опустилась на замок тихая, звёздная. За окнами выли ветры, но в покоях княгини было тепло и уютно от жара камина. Ольга сама налила ему вина, села рядом на низкую софу, обитую алым бархатом.

– Расскажи о себе, – попросила она. – Не как царевич, а как человек. Откуда ты родом?

Дмитрий рассказал. О деревне Зеленуха, о матери Анисье, о том, как Шептунья перепекла его в печи, о даре видеть нечисть. О барыне Ольге, своей первой наставнице, о том, как та учила его быть мужчиной. О Лизе, о детях, о тридцати шести жёнах, оставшихся в усадьбе.

– Тридцать шесть, – усмехнулась княгиня. – А говорят, твой предок Сокол имел восемьсот.

– До предка мне далеко, – улыбнулся Дмитрий. – Но я стараюсь.

Она вдруг взяла его руку, прижала к своей щеке. Глаза её блестели в свете свечей.

– Я одна, – тихо сказала она. – Три года одна, с тех пор как мужа убили. Никому не верила, никого не подпускала. А ты пришёл – и я чувствую, что с тобой можно быть слабой. Странно, да?

– Не странно, – ответил он, обнимая её. – Это жизнь.

Она поцеловала его первой – жадно, отчаянно, словно боялась, что он исчезнет. Он ответил, и в этом поцелуе смешались три года одиночества и надежда, которую она уже не чаяла обрести.

Они любили друг друга долго, не спеша, словно заново открывая друг друга. Ольга оказалась страстной, но сдержанной – она словно боялась показать всю глубину своих чувств, но тело её говорило громче любых слов. Дмитрий чувствовал, как она тает в его руках, как доверяется ему, и это доверие было дороже любых политических союзов.

– Я согласна, – шепнула она утром, когда они лежали обессиленные. – Венчай меня, царевич. И берегись – я буду требовать тебя часто.

Он усмехнулся и поцеловал её в плечо.

Второй день они провели вместе, почти не расставаясь. Ольга показывала ему замок, знакомила с ключевыми людьми, посвящала в планы обороны. Дмитрий видел, как она мудро правит, как её уважают дружинники и слуги. Вечером снова была близость – уже спокойнее, но не менее страстная.

На третий день, в подземной часовне замка, при свете нескольких свечей, старый священник обвенчал их. Ольга была в простом белом платье, с распущенными волосами, и Дмитрий вдруг понял, что эта женщина – не просто союзница, не просто очередная жена. Она стала ему по-настоящему близка.

– Теперь ты мой, – сказала она после венчания, прижимаясь к нему.

– Твоя, – поправил он, целуя её в губы. – И это только начало.

Они провели вместе ещё одну ночь – последнюю перед его отъездом. А утром Дмитрий усакал назад, к Ивану, увозя в сердце тепло и уверенность, что ещё одна нить в его паутине сплетена навеки.

13. Первая жена по царскому статусу

Они проснулись далеко за полдень. Солнце уже клонилось к закату, заливая опочивальню тёплым золотистым светом. Дмитрий лежал на спине, глядя в высокий сводчатый потолок, и чувствовал, как по всему телу разливается приятная, истома. Рядом, прильнув к его плечу, тихо посапывала Ольга – его жена, княгиня, владельница этих земель.

Она шевельнулась, открыла глаза и улыбнулась – той особенной, женской улыбкой, которой женщины одаривают мужчин после ночи любви.

– Доброе утро, муж мой, – прошептала она, целуя его в плечо.

– Утро уже давно прошло, – усмехнулся Дмитрий, глядя её по спине. – День на исходе.

– Тем лучше, – она потянулась, как кошка, и вдруг посерьёзнела. – Теперь всё по-настоящему, да? Ты мой князь, я твоя княгиня. Мои люди – твои люди, мои земли – твои земли.

– Твои земли остаются твоими, – поправил Дмитрий. – Но ты теперь под рукой Соколовых. Никто не посмеет тронуть тебя. Ни мыши, ни болотные, ни северяне.

– А ты? – она приподнялась на локте, заглядывая ему в глаза. – Ты будешь защищать меня?

– Всегда, – ответил он. – Клянусь.

Она поцеловала его – долго, благодарно. А потом отстранилась и сказала то, что должна была сказать:

– Мои люди уже знают. Дружина присягнёт тебе сегодня вечером. Ключи от замка – твои. И ещё... – она помедлила, – в подвалах есть казна. Немного, но на первое время хватит. Распожайся.

Дмитрий чувствовал, как на плечи ложится тяжесть новой ответственности. Замок, люди, земли – всё это теперь было его заботой. Но вместе с тяжестью пришло и странное, пьянящее чувство силы. Он строил империю, и каждый такой шаг приближал его к цели.

– Вечером, – повторил он. – А сейчас...

– А сейчас, – перебила она, прижимаясь к нему всем телом, – ты мой. Только мой. До вечера.

Она была ненасытна в эту последнюю ночь – или день, уже неважно. Она брала от него всё, что могла взять, словно боялась, что больше никогда не увидит. И Дмитрий отдавал – без остатка, без мысли о долге, просто как мужчина женщине, которую успел полюбить за эти три дня.

Они любили друг друга, пока за окнами не стемнело совсем. А потом, когда пришло время идти к дружине, Ольга оделась в парадное платье, надела княжескую шапку и вышла к людям – рядом с мужем, гордая и счастливая.

Дружина присягнула без споров. Ключи от замка Дмитрий принял лично, спрятал за пазуху. А ночью снова была близость – прощальная, отчаянная, полная обещаний скорой встречи.

– Возвращайся, – шепнула она на рассвете, когда он седлал коня.

– Вернусь, – ответил он. – Теперь это и мой дом.

И ускорился, увозя в сердце тепло и уверенность, что ещё одна нить сплетена навеки.

14. Сентябрь 7094. Осеннее затишье

Осень в тот год выдалась ранняя и дождливая. Днепр вздулся, размыл дороги, превратил окрестности в непролазное месиво грязи. Северяне, уставшие от бесплодных штурмов, отошли на зимние квартиры, ограничиваясь редкими вылазками. Осада Смоленска затягивалась, превращаясь в изнурительное противостояние, в котором побеждал тот, у кого крепче нервы и больше запасов.

Дмитрий почти не бывал в ставке. Он превратился в тень, мечущуюся между тремя точками на карте, и в каждой из них его ждали.

Хутор Агаты стал первым пристанищем. За два месяца его отстроили заново – новая изба, новый сарай, крепкий забор. Агата расцвела, перестала быть той затравленной вдовой, которую он спас от мародёров. Теперь она встречала его с улыбкой, кормила домашним, делилась новостями, собранными у проезжих.

– Мыши зашевелились, – говорила она, лёжа у него на плече после ночи любви. – Купцы рассказывают, в Могилёве сходка была. Болотные магнаты с мышиными эмиссарами о чём-то рядились. Золото, говорят, рекой текло.

– Кого рядили? – спрашивал Дмитрий, глядя её по спине.

– Против нас, вестимо. Против Соколовых. Боятся они вашего усиления, царевич.

Он запоминал, передавал Ивану через надёжных гонцов. Информация стекалась по крупицам, и паутина становилась всё гуще.

Замок княгини Ольги стал вторым домом. Туда Дмитрий наведывался реже, но оставался дольше. Ольга встречала его как мужа – с почётом, но и с той особенной женской требовательностью, которая не позволяла расслабляться.

– Ты мало бываешь, – журила она после страстной ночи, когда они лежали обессиленные на смятых простынях. – Я по тебе скучаю.

– Война, – отвечал он, целуя её в плечо. – Скоро всё решится. А пока... что слышно от твоих людей?

Ольга рассказывала. Её осведомители работали по всему Полоцкому княжеству, и новости приходили одна тревожнее другой. Болотные магнаты стягивали войска к границам, мышинные агенты рыскали по деревням, скупая хлеб и фураж. Готовились к чему-то серьёзному.

В ставке Ивана Дмитрий появлялся урывками, чтобы доложить, получить новые задания, снова исчезнуть. Иван хмурился, слушая его доклады, но одобрял:

– Ты делаешь больше, чем целый полк разведчиков, брат. Продолжай.

В конце сентября, когда дожди зарядили на целую неделю, Дмитрий задержался в замке Ольги дольше обычного. Они почти не выходили из опочивальни – говорили, любили друг друга, строили планы. Ольга оказалась не только страстной любовницей, но и мудрой советчицей, понимающей в политике не меньше Ивана.

– Ты должен быть осторожен, – говорила она, водя пальцем по его груди. – Мыши и болотные не простят тебе того, что ты собираешь наши земли. Они готовят удар. Я чувую это.

– Я тоже чувую, – отвечал Дмитрий. – Но выбора нет. Надо идти до конца.

Она вздыхала, прижималась крепче, и они снова забывали обо всём в объятиях друг друга.

А за окнами лил дождь, смывая следы, замывая дороги. Осень вступала в свои права, и вместе с ней приближалось что-то большое, страшное, неизбежное. Дмитрий чувствовал это каждой клеткой своего тела, но продолжал плести паутину. Потому что только в ней была надежда.

15. Тревожные вести из столицы

Дождь лил третьи сутки, не переставая. Дмитрий сидел в горнице хутора Агаты, глядя, как по мутному оконцу стекают капли. В печи потрескивали дрова, было тепло и уютно, но на душе скребли кошки. Он сам не понимал причины этой тревоги – просто чувство, липкое, холодное, поселилось под ложечкой и не отпускало.

Агата возилась у печи, помешивала похлёбку. Дети уже спали в соседней клети. За окнами выл ветер, и в его вое чудилось что-то недоброе.

– Ты какой-то сам не свой, царевич, – тихо сказала Агата, подходя и садясь рядом. – Всё на дверь поглядываешь. Кого ждёшь?

– Не знаю, – честно ответил он. – Чую неладное.

Она прижалась к нему, положив голову на плечо, и они сидели молча, слушая дождь и вой ветра. Её тепло немного отгоняло тревогу, но не до конца.

Топот копыт во дворе заставил их обоих вздрогнуть. Дмитрий вскочил, нащупывая саблю. Агата замерла у печи, прижимая руки к груди.

В дверь постучали – три коротких, два длинных. Условный стук.

Дмитрий отодвинул засов. На пороге стоял гонец – промокший до нитки, грязный, едва держащийся на ногах. Дядькин человек, из самых надёжных.

– Царевич, – выдохнул он, переступая порог и падая на колени. – Беда. Агафон велел передать.

Дмитрий подхватил его, усадил на лавку. Агата метнулась к печи, налила горячего взвара. Гонец жадно выпил, закашлялся, потом заговорил:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.